

УДК 811.161/1'38

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛИЦИТНОСТИ: ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Е.В. Ермакова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: neutro@inbox.ru

Имплицитность рассматривается в статье с нескольких точек зрения: в языке, в речи, в ироническом высказывании. Имплицитность делает высказывание полипропозитивным.

Ключевые слова: имплицитность, ирония, пропозиция, пресуппозиция, полипропозитивность, проекция, высказывание, контекст, дискурс, экзистенциальная пресуппозиция.

Implicitness as Multiple-Aspect Problem: Implicitness in Language and Speech

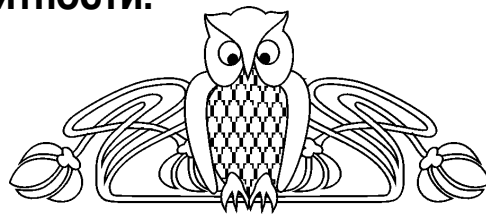
E.V. Ermakova

In the article implicitness is discussed as having several forms: implicitness as a phenomenon of language, implicitness in discourse, implicitness in an ironical utterance. Implicitness makes an utterance poly-propositional.

Key words: implicitness, irony, proposition, presupposition, poly-propositional, projection, utterance, context, discourse, existential presupposition.

Наличие в нашей речи таких слов, как *намекнул, подразумевает, имеет в виду, сокровенный смысл, неоднозначность* и т.д., свидетельствует о том, что любой говорящий на языке интуитивно ощущает и оценивает степень полноты/неполноты сообщения. Существует ряд языковых и речевых явлений, в связи с которыми принято говорить о «двуплановости», «подразумевании», «скрытых смыслах», «косвенности» (этим явлениям мы сознательно или бессознательно присваиваем статус «обладающих не прямо выраженным значением», при этом не всегда отдавая себе отчет в том, что такое «не прямо выраженное значение»). «Деление языковых значений (смыслов) на скрытые (имплицитные, неявные) и явные (эксплицитные) вызвано прежде всего стремлением подчеркнуть существование языковой возможности выражения смыслов различной степени экспликации. Можно говорить о достаточной условности этой дихотомии, о существовании шкалы переходности в выражении тех или иных значений»¹.

Продуктивным представляется предложенное А.В. Бондарко деление на системно-языковую и речевую имплицитность. Системно-языковая имплицитность «обусловлена особенностями системной организации значений в данном языке»². А.В. Бондарко системно-языковую имплицитность связывает со степенью актуализации семантики (а именно семантических понятийных

категорий, представляющих собой смысловые инварианты высокого уровня обобщения, – аспектуальность, темпоральность, модальность, персональность, локативность, посессивность и т.д.): «Имеется в виду прежде всего импликация, обусловленная семантической немаркированностью одного из членов привативной оппозиции в структуре грамматической категории»³. Говоря о системно-языковой имплицитности, А.В. Бондарко использует термин «значение» («содержание единиц, классов и категорий данного языка. Это содержание включено в языковую систему и отражает ее особенности») ⁴. По мнению ученого, имплицитность является одним из аспектов категоризации семантики, наряду с инвариантностью/вариативностью элементов семантического содержания, межкатегориальными связями и т.д.: «В самих языковых значениях заключена смысловая основа, сопряженная с интерпретационным компонентом как способом представления выражаемой семантики»⁵. Имплицитная семантика грамматических форм следующим образом описывается М.В. Никитиным: «Семантические системы разных языков на различных своих участках отличаются плотностью – разреженностью семантических средств. Как следствие, вещи и события изображаются с разной мерой экспликации, прорисовки. Это прежде всего относится к грамматическому строю языков. Развитая система видовых форм позволяет русскому языку основательно прорисовывать видовую характеристику глагольных действий <...> Однако русский язык менее “заботит” длительность действия. Одна и та же форма может выражать и обычное, и длительное действие, происходящее в данный момент»⁶.

Речевая (или, в классификации А.В. Бондарко, ситуативная) имплицитность «предполагает, что передается смысл, вытекающий из речевой ситуации и соответствующий ситуативной информации в ее связях со значениями, выраженными в данном высказывании языковыми средствами». Говоря о речевой имплицитности, логичнее использовать понятие имплицитный «смысл»: «Смысл представляет собой содержание, не связанное лишь с определенной единицей или системой единиц данного языка <...> Смысл опирается не только на языковые формы, но и на другие (невербальные) разновидности “носителей”»⁷.

«Компонентами речевого смысла, передаваемого говорящим (пишущим) и воспринимаемого адресатом, являются: 1) языковое содержание высказывания (целостного текста); 2) контекстуальная информация; 3) ситуативная информация; 4) энциклопедическая информация (“фоновые знания”); 5) прагматические элементы дискурса. Эти компоненты передаваемого/воспринимаемого смысла существенны для анализа соотношения эксплицитного/имплицитного»⁸.

Согласно классификации Б.Д. Хоумера и Дж. Т. Рэмзи, существуют три формы имплицитности: структурная, функциональная и процедурная. Структурная имплицитность обусловлена семантикой языка («нельзя использовать слово “холостяк”, не зная, что такое “неженатый” и “мужчина”»⁹). Функциональная имплицитность зависит от контекста и синонимична выводным пропозициям, которые имплицитно содержатся в базовой пропозиции. Процедурная имплицитность – это такая «информация (правило, теория, концепт и т.д.), которая имплицитно содержится в любой процедуре»¹⁰. Сюда относятся, например, некоторые врожденные знания, которыми обладают дети (например, некоторые навыки пространственно-временного ориентирования). Исследователи отмечают, что для экспликации процедурных знаний требуется обучение специальным процедурам экспликации, особым «концептам».

Как видим, приведенная классификация Б.Д. Хоумера и Дж. Т. Рэмзи коррелирует с предложенным А.В. Бондарко делением имплицитности на системно-языковую и речевую. В сущности, когда Б.Д. Хоумер и Дж. Т. Рэмзи говорят о структурной имплицитности, они имеют в виду именно системно-языковую имплицитность. Когда же исследователи обращаются к функциональной имплицитности, то становится понятным, что говорят они именно о речевой имплицитности, о выводном логически мотивированном смысле. Процедурная имплицитность (врожденное, интуитивное знание) находится в сфере интересов не столько лингвистов, сколько психологов.

Признавая, что имплицитность может считаться имманентным свойством языковой единицы¹¹, отметим, что лишь контекст способен сделать ощутимым имплицитное, лишь во «внутренней перспективе речевого ряда»¹² выявляется имплицитный потенциал языковой единицы: «значения не существуют сами по себе, но “содержатся” в словах и предложениях и не “извлекаются” из них, а “вычисляются” интерпретатором на основе свойств речи и ее контекста»¹³. Кроме того, «значение и смысл – это не отдельные содержательные объекты, а аспекты семантики как единого целого»¹⁴. Как имплицитный смысл, так и имплицитное значение реализуются в речи, лишь контекст способен оживить и сделать ощутимыми для сознания такие языковые и неязыковые системные связи единиц сообщения, которые вне

контекста остаются в латентном состоянии. Каким бы плодотворным и продуктивным ни было разделение имплицитности на языковую и речевую, не следует забывать об определенной условности этого деления, о тесной взаимосвязи языковых и речевых явлений, о речевой реализации языковой семантики.

Таким образом, мы подходим к двум определениям имплицитности. Первое определение: имплицитность – это имманентное свойство языковой единицы, связанное с вероятностью структуры неконечного множества признаков слова, реализуемое в контексте речевого сообщения.

Второе определение подчеркивает необходимость речевой реализации имплицитности. Поскольку имплицитный смысл речевого сообщения – это совокупный смысл, результат взаимодействия целого ряда факторов, сформулируем его следующим образом: имплицитность – это свойство речевого сообщения оживлять и делать ощутимыми для сознания такие связи единицы/единиц сообщения, которые в других ситуациях находятся в латентном состоянии, а также создавать такие связи, которых ранее единицы языка не имели.

Существование системных знаний о мире, которые выявляет лингвистическое наблюдение над функционированием языковой единицы, описывают А. Паивию и А. Бегг в «Психологии языка». Исследователи приводят примеры экспериментов по исследованию памяти, когда реакция-воспоминание на предложение «Индеец ранили» было «Индеец был ранен стрелой», а на предложение «Домохозяйка говорила с менеджером о выросших ценах на мясо» реакция-воспоминание было «Домохозяйка жаловалась менеджеру на то, что цены на мясо выросли»¹⁵. Как видим, в памяти сохранились истолкования предложений, и направление истолкований характерно: предложения оказались в «сфере притяжения» определенных типичных системных моделей-представлений, которые ранее сформировались в сознании участников эксперимента и которые эксплицитировались в контексте. Возвращаясь к нашему определению имплицитности, можем сказать, что были «оживлены» системные связи слов, которые присутствовали в сознании говорящих.

Базовой единицей при анализе речевой имплицитности является высказывание. Определенная смысловая неполнота присуща любому высказыванию, так как за ним стоит система пресуппозиций, служащих для реализации его коммуникативного смысла. Однако степень «смысловой неполноты» в разных высказываниях разная. Целесообразно, на наш взгляд, высказывания со смысловой неполнотой делить на два типа: 1) внутренне неполные высказывания (для восполнения их смысла необходимо выйти за рамки собственно высказывания, однако их

смысл полностью и однозначно восстановим) и 2) имплицитные высказывания (их можно было бы назвать высказываниями со «стратегической» имплицитностью, так как имплицитность в них носит характер «приема»).

Внутренне неполные высказывания строятся чаще всего с привлечением логической пресуппозиции («логическая пресуппозиция представляет собой операцию по установлению умозаключения между вербализованным и невербализованным звеньями»¹⁶. Приведем пример: «Подумав, он пошел к реке. В зареченской бригаде он не был лет десять, и если лодка на этой стороне, сейчас самое время заглянуть туда. Лодка была на другой стороне» (Ф. Абрамов). В данном примере невербализован вывод умозаключения – герою не придется заглянуть к зареченской бригаде.

Проанализируем другой пример: «Со своим мнением Бернштейн никогда не высказывал, но если спрашивали, то оказывалось, что оно, это мнение, есть. Поэтому многие предпочитали его не спрашивать» (Е. Евтушенко). С одной стороны, «опущена часть общего суждения, наличествует логическая неполнота»¹⁷: его не спрашивали, потому что у него было свое мнение на все. С другой стороны, высказывание раскрывается полностью лишь прагматической пресуппозицией (знанием ситуации общения: те, у кого есть свое мнение, часто высказывают точку зрения, противоположную общепринятой). В данном случае мы имеем дело с имплицитным высказыванием.

Л.В. Лисоченко приводит два примера высказывания, которые опираются на логическую пресуппозицию «утверждение, как следствие объективной и семантико-синтаксической связи». Мы рассмотрим их с другой точки зрения – как примеры внутренне неполного и имплицитного высказываний. Первый: «– У него мать осталась? – И еще сестра» (М. Булгаков). В данном примере «вербализованное утверждение одного объекта означает утверждение другого объекта»¹⁸, т.е. внутренняя неполнота однозначно восполняется логической пресуппозицией.

Второй: «– Щучий язык знаешь? – И ослиный тоже» (Н. Грибачев). По форме и типу логической пресуппозиции примеры похожи. Однако в данном высказывании полное восстановление смысла возможно лишь в случае учета экзистенциальной и прагматической пресуппозиций. Экзистенциальная пресуппозиция: не существует ни ослиного, ни щучьего языков. Прагматическая пресуппозиция: разговор о несуществующих языках не случаен. Собеседники явно что-то имеют в виду, говоря о несуществующих вещах. Пропозиция буквального смысла высказывания второго собеседника: я знаю щучий и ослиный языки. Возможное истолкование (проективная пропозиция, которая строится на основе экзистенциальной и прагматической пресуппозиций) для высказывания второго собеседника: ты осел, и я знаю твой язык. Как видим, высказывание полипропозитивно, оно

имеет пропозицию для буквального смысла и пропозицию для проективного переносного смысла. Мы имеем дело с имплицитным высказыванием со стратегической имплицитностью.

Итак, прагматическая пресуппозиция – неременное условие для того, чтобы высказывание стало полипропозитивным, т.е. для того, чтобы к основной пропозиции буквального смысла прибавилась проективная, выводимая на базе прагматической пресуппозиции. Это связано с тем, что учет ситуации общения – наиболее неоднозначный и трудновычисляемый фактор общения сам по себе. Отметим, что полипропозитивность в значении «полипропозитивность двойного смысла» следует отличать от ситуации наличия нескольких пропозиций в одном предложении: «Мультипропозитивный дискурс – это последовательность частей предложения (в предложениях, состоящих из нескольких пропозиций в многосоставном предложении (в предложении, состоящем из нескольких пропозиций))»¹⁹.

Показательным примером высказываний со стратегической имплицитностью, основанной на полипропозитивности, служат иронические высказывания. Это особое средство, разработанное языком: «Ирония – это тот случай, когда высказывание с положительной оценкой вступает в конфликт с дотекстовым предзнанием об объекте оценки или с постзнанием о нем, вытекающим из текста»²⁰.

Плодотворной представляется идея Дж. Лича об участии в создании иронии пресуппозиций двух типов: «эксцентричной» и «нормальной»²¹. Так, по наблюдениям исследователя, для высказывания «Его речь украшают и делают незабываемой для собеседника редкие паузы» «эксцентричной» пресуппозицией является следующая: «редкие паузы – это большое достоинство речи собеседника в диалоге; когда в диалоге все время говорит один человек, это хорошо». «Нормальная» пресуппозиция: «плохо, когда говорит только один человек без остановок и пауз. Тем самым он не дает высказать свое мнение собеседнику». Конфликт пресуппозиций, по мнению Дж. Лича, и создает иронический эффект.

Представляется, что как «эксцентричная», так и «нормальная» пресуппозиции Дж. Лича – это разновидности экзистенциальной пресуппозиции (знание об общем устройстве мира, о том, что может быть и чего не может быть в мире). Факт наличия конфликта между двумя экзистенциальными пресуппозициями – это уже прагматический компонент иронического высказывания (неслучайность конфликта оценивается как прагматическое «присутствие» воли автора иронического высказывания).

Наличие в ироническом высказывании (в более широком смысле, в любом юмористическом тексте) двух планов, двух пропозиций отмечают многие ученые. Дж. Серль, описывая ироническое высказывание, подчеркивает, что

значение иронического высказывания постигается тогда, «когда осмысливается значение предложения, а после этого – то значение, которое ему противоположно»²². Древнейшая из форм иронии, а именно трагическая ирония, литературоведами также описывается в категориях противостояния несуществующего (или существующего в воображении, подчас абсурдного), и реального, соответствующего известному. Так, Ф.Е. Бовен пишет о том, что ирония в драме – это результат того чувства противоречия, которое возникает у читателя в момент, когда он видит, что герой страдает от иллюзий²³. Отношение между буквальной и имплицитной пропозициями рассмотрены в работе Ю.Н. Варзониной утверждающего, что в иронии эти отношения носят характер контраста, а в метафоре – сходства²⁴.

Проанализируем с точки зрения полипропозитивности еще несколько иронических высказываний. «– Где ты был? – На рынке. – Что купил? – Свининки. – Сколько взяли? – Шерсти клочок. Еле ноги уволок» (С.Я. Маршак). Пропозиция буквального смысла высказываний волка: волк купил на рынке свинину. Проецируемая пропозиция, опирающаяся на прагматическую пресуппозицию (в ситуации покупки нельзя расплатиться клочком шерсти за что-либо): волк не покупал, а воровал, за что его преследовали. Другой пример: «Муж смуглой дамы с любезной улыбкой ... хватился за фуражку и поклонился с грацией, свойственной всем медведям и очень немногим людям» (Н.Г. Чернышевский). Пропозиция буквального смысла: муж смуглой дамы поклонился с грацией. Пропозиция проективного смысла, выводимого на основе экзистенциальной пресуппозиции «медведи неуклюжи»: «Муж смуглой дамы поклонился неуклюже».

Заключая сказанное, отметим, что в основе имплицитности лежит уникальный «навык» мозга к одновременному построению нескольких ментальных проекций (например, проекции пропозиции буквального смысла и проекции пропозиции возможного истолкования в высказывании, проекции основной ситуации текста и проекции возможного развития событий в тексте). Исследование имплицитности позволяет яснее представить себе когнитивные процессы в сознании и когнитивные возможности человека.

Примечания

- ¹ *Бабенко Л.Г.* Общие методы и механизмы выявления имплицитного содержания в языке и речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 8.
- ² *Бондарко А.В.* Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 24.
- ³ Там же. С. 34.
- ⁴ Там же. С. 23.
- ⁵ Там же. С. 23–24.
- ⁶ *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- ⁷ *Бондарко А.В.* Указ. соч. С. 23.
- ⁸ Там же. С. 24.
- ⁹ *Homer B.D., Ramsay J.T.* Making Implicit Explicit: the Role of Learning // Behavioral and Brain Sciences. 1999. № 22. (5). P. 770.
- ¹⁰ Там же. С. 770.
- ¹¹ *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 445.
- ¹² *Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
- ¹³ *Демьянков В.З.* О техниках понимания имплицитной речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 49.
- ¹⁴ *Бондарко А.В.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁵ *Paivio A., Begg A.* Psychology of Language. Prentice-Yall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1981.
- ¹⁶ *Лисоченко Л.В.* Высказывания с имплицитной семантикой (логические, языковые и прагматические аспекты). Ростов н/Д, 1992. С. 80.
- ¹⁷ Там же. С. 76.
- ¹⁸ Там же. С. 72.
- ¹⁹ Book Discussion Forum. Linguist. 2003. № 19 // www.linguist.org/issues/14/14-1734.html
- ²⁰ *Никитин М.В.* Указ. соч. С. 156.
- ²¹ *Leech G.* A Linguistic Guide to English Poetry. L., 1972. P. 175.
- ²² *Searle J.R.* Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 122.
- ²³ *Bowen F.E.* The Fountain of Tragedy // Irony and Self-Knowledge in the Creation of Tragedy. Zalzburg, 1973. P. 11.
- ²⁴ *Варзониной Ю.Н.* Коммуникативные акты с установкой на иронию. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1967. С. 9.